

Юнона Белова • Ада Огнева

МАЖОР.

*Я сыграю твоё
поражение!*

Ада Огнева

Мажор. Я сыграю твоё поражение!

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Мажор. Я сыграю твоё поражение! / А. Огнева — «Автор»,
«Автор», 2026

Я приехала в элитную театральную академию за мечтой. Но уже в первый вечер разбила бесценную фарфоровую маску. Теперь я должна три миллиона Артуру Вельскому — богатому наследнику, жестокому красавцу и самому влиятельному студенту академии. Он заставляет меня играть по своим правилам. Унижает перед однокурсниками, требует покорности и обещает уничтожить карьеру за малейшее неповиновение. Но однажды я обнаруживаю переписку, доказывающую: всё было подстроено! Артур хотел получить послушную куклу. А вместо этого разбудил девушку, готовую бороться. И пока он предлагает мне славу в обмен на свободу, другой мужчина протягивает руку без всяких условий. Кому достанется моё сердце? И кто проиграет последнюю сцену?

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Юнона Белова

Мажор. Я сыграю твоё поражение!

Глава 1

В большом зале академии «Маска» я всё время переступала с ноги на ногу. От мраморного пола холод шёл даже через подошвы, а отойти на ковёр было некуда: там фотографировались. У колонны я вцепилась пальцами в потёртый материал своего единственного пиджака — он висел на мне мешком, купленный в секонд-хенде за триста рублей, и пах чужим потом и нафталином. Рядом шелестели платья. Кто-то размахивал бокалом, и я следила за ним: если обольют пиджак, переодеться мне будет не во что.

Глядя на них, я никак не могла поверить, что мы будем учиться вместе. Они здоровались с преподавателями так, как я здоровалась с соседями по дому: давно знакомы, можно не стараться понравиться.

На фуршетном столе оставались крошки, и всё-таки я двинулась к нему. Хотелось хотя бы взять стакан, занять чем-то руки. Меня задела плечом; я отступила и сразу проверила, не разошёлся ли шов на пиджаке. Вот за это я себя ненавидела: человек уже забыл, что задел меня, а я стою и щупаю рукав. Пальцы дрожали. Я спрятала их за спину — пусть думают, что просто жду.

Я считала вдохи, как перед прослушиванием. Тогда получилось: дошла до конца монолога, получила грант. А здесь ещё никто не просил меня играть — нужно было всего лишь провести вечер среди будущих однокурсников. Хотелось, чтобы скорее закончился приём и начались занятия. Там у нас хотя бы будет одинаковое задание, и я смогу показать, зачем приехала. Сегодня лучше помолчать. Я поправила рукав, прикрыв потёртый край, и убедила себя, что до конца вечера осталось недолго.

Я опустила глаза, чтобы не встретиться ни с чьим взглядом. От этого почему-то казалась себе ещё заметнее: все разговаривали, смеялись, а я одна молчала у колонны.

Даше Королёвой уступали дорогу, прежде чем она успевала попросить. Дочь декана — это я уже знала. Остальное было видно без объяснений: она могла говорить вполголоса, и её всё равно слушали. Я чуть сдвинулась, пропуская её мимо. Она не взглянула на меня, даже когда пришлось обойти мою выставленную ногу.

Поэтому я не сразу поняла, что произошло. Она шла мимо стола с коллекцией фарфоровых масок ректора, разговаривая с каким-то парнем в смокинге. Её локоть — острый, как игла — толкнул меня в бок. Не сильно. Достаточно, чтобы я потеряла равновесие.

Мир перевернулся.

Пришлось схватиться за стол, чтобы не упасть. Ладонью я задела край скатерти, и под пальцами скользнул гладкий, холодный фарфор.

Маска качнулась у самого края. Я успела разглядеть нарисованные брови, грустно опущенный рот — и потянулась за ней обеими руками. Подхватить снизу. Только бы подхватить. Она перевернулась, ударилась о мою ладонь краем и полетела дальше. Пальцы сомкнулись уже после того, как её там не стало.

Хруст.

Я отдёргнула руки и замерла с ними у груди. Рядом перестали говорить. Из угла всё ещё играла музыка — бодрая, совершенно не к месту, — и мне хотелось попросить выключить её. Я даже не могла понять, что страшнее: этот хруст или пауза после него.

Я стояла посреди зала, глядя на осколки белого фарфора, рассыпанные у моих ботинок. В блестящей мраморной плитке между осколками отражалось моё лицо: бледное, испуганное, жалкое.

— Боже мой, — произнесла Даша, и в её голосе не было ни капли сочувствия. Только восхищение зрелищем. — Новая девочка уже начала ломать имущество ректора?

Люди отступили, оставив меня одну возле стола. Теперь было видно и мой пиджак, и ботинки, и то, как я беззвучно открываю рот. Надо объяснить про локоть. Я посмотрела на Дашу: она всё ещё ждала, что я скажу. Уши горели. Вместо объяснения я опустила глаза и снова уставилась на фарфор — как будто, если смотреть достаточно долго, его ещё можно собрать целым.

Я услышала шаги там, где люди только что расступились. Подняв глаза, увидела чёрные туфли. Они остановились возле осколков, слишком близко к моим ботинкам.

Артур Вельский. Капитан курса, сын главного спонсора, человек, о котором говорили шепотом даже старшекурсники. В чёрном костюме Артур казался ещё выше. Приходилось смотреть снизу вверх, и я старалась хотя бы не задерживаться на его губах. Всё равно задержалась — и тут же разозлилась на себя. Красивый — ну и что? Он ведь даже не спросил, не задело ли меня осколком. Он остановился прямо передо мной, и мне пришлось поднять голову. Так близко, что я чувствовала запах его одеколона — сандал и дым. Я ждала, что он посмотрит на маску, прикинет ущерб. Но он всё разглядывал меня, и от этого я начала оправдываться ещё до его первого вопроса.

Артур взял меня за подбородок. Я отшатнулась, а он удержал, сдавив челюсть. Пришлось снова поднять лицо: если двигаться, становилось больнее. Я видела его глаза совсем близко и никак не могла понять, куда смотреть, чтобы он наконец отпустил. На воротник? На переносицу? Он перехватил подбородок крепче, стоило мне шевельнуться.

— Ты должна мне эту маску, — прошептал он. Я слышала его лучше, чем музыку. Остальным, наверное, приходилось прислушиваться. Он наклонился так близко, что вырваться означало задеть его лицом; я осталась стоять и ждать, что ещё должна.

Я попыталась вырваться, но его хватка не ослабла. — Я... я заплачу, — пролепетала я. Сколько? Я ещё не спросила цену, а уже обещала заплатить. В сумке лежали деньги на ночлег; я вспомнила, как пересчитывала их перед дорогой, и наконец поняла, что сказала.

Артур усмехнулся, продолжая держать мой подбородок. Мне хотелось выговорить «отпусти» раньше, чем отвечать про деньги, но рот плохо слушался. — Деньги не имеют значения, Лиза. Имеет значение твоя покорность.

Он назвал меня по имени, хотя я ещё не представилась. Значит, успел узнать. Я перебирала в голове, что ему могли сказать, и от этого пугалась больше, чем от его хватки. Кто-нибудь уже рассказал про грант? Про то, что платить мне нечем?

— Ты сломала вещь, принадлежащую системе, — продолжил он, не повышая голоса, но каждое слово било точно в цель. — Система требует компенсации. Ты можешь уйти сейчас. Прямо сегодня. Я скажу отцу, что ты неспособна к обучению. Тебя вычеркнут из списков всех театров страны. Ни одна комиссия не возьмет тебя после такого позора. Твой грант аннулируется мгновенно.

Я попыталась сглотнуть, и он чуть ослабил пальцы. Уже готовилась сказать, что уйду. На автобус ещё хватит, домой меня пустят. А потом вспомнила, как буду стоять с сумкой в прихожей и ждать, пока мама решит, что сказать. Ведь совсем недавно я уверяла её, что всё получится. Я посмотрела на Артура: он сам назвал только один выход. Может, есть другой.

— Альтернатива? — спросила я, чувствуя, как ком в горле мешает дышать.

Артур отпустил мой подбородок. Его пальцы скользнули по щеке, оставляя легкий след холода. — Ты станешь моей личной ассистенткой. Куклой. Музой. Инструментом. Весь семестр. Без выходных. Без права на отказ. Ты будешь выполнять любые мои капризы ради

искусства. Ты будешь стоять там, где я скажу, молчать, когда я велю, и плакать, когда мне нужно видеть твои слезы вблизи.

Он перечислял условия так спокойно, будто выдавал расписание. Я слушала, пытаюсь найти хоть одно, с которым можно спорить, не потеряв всё сразу. Но он не оставил мне даже выходного.

Я повернула голову. Даша улыбалась, чуть склонив её набок, — ей было удобно наблюдать. Поймав мой взгляд, она не перестала улыбаться. Я представила, как сейчас отказываюсь и иду к выходу мимо неё. Красиво, наверное. Только потом придётся собрать сумку, позвонить матери и сказать, что мне хватило одного дня. Нет. Этого разговора я не выдержу.

Мне нужна была сцена. Не рассказы о том, какая я гордая, когда вернусь домой, а настоящая сцена, на которую я ещё не успела выйти. Я посмотрела на его руки. Семестр. Я должна продержаться семестр.

— Хорошо, — выдохнула я. Он услышал сразу, а мне пришлось ещё раз повторить это про себя: семестр. Я согласилась только на семестр.

Глава 2

Артур отвёл взгляд к осколкам и произнёс, глядя поверх моей головы на зал, но так тихо, чтобы слышала только я: — Убери это. Руками.

Я посмотрела на ближайший осколок. Большой, взять его легко. Почему тогда я всё ещё стояла?

Я поискала глазами ректора, которому принадлежала маска. Его рядом не было. Преподаватели стояли за спиной Артура; никто не предложил хотя бы совок. Артур засунул руки в карманы. Значит, помогать тоже не собирался — будет смотреть, как я выполню первый приказ.

Я присела, подтянув подол к коленям, чтобы не наступить на него. Рядом блестел длинный осколок. Хотелось взять его за середину, но там рисунок был скользким; пришлось подцепить пальцами за край.

Первый осколок порезал подушечку большого пальца. Я чуть не выпустила осколок. Порез жёг, и хотелось немедленно сунуть палец в рот, как в детстве, но все смотрели. Кровь выступила сразу, красная капля на белом фарфоре.

Я перенесла осколок в другую ладонь и наклонилась за следующим. Хотелось зажать порез другой рукой, но тогда собирать было бы нечем. Так и держала палец оттопыренным, стараясь не задевать острый фарфор.

Пальцы горели. Кровь смешивалась с белой пылью фарфора, превращаясь в розовую жижу на полу. Каждый новый осколок добавлял новую рану. Я чувствовала, как дрожат мои руки, но я не останавливалась. Крупные куски я перекладывала в одну ладонь, мелкие подбирала другой. Они царапали кожу, когда я пыталась удержать сразу несколько. Вернуться бы за салфеткой со стола. Но я боялась даже поднять голову: он мог решить, что я спорю.

Когда я повернулась за последним куском, люди рядом всё ещё молчали. Лучше бы кто-нибудь засмеялся: тогда я знала бы, кому отвечать. Сейчас они позволяли мне делать это и просто ждали, пока закончу.

Когда я закончила, ладони были изрезаны в кровь. Я поднялась, чувствуя слабость в ногах. Артур подошел ближе. Он потянулся к моей руке, но я сначала сложила осколки на край стола. Он взял мою освободившуюся руку; его большой палец прошёл рядом с порезом, не касаясь раны.

— Ты держишь боль красиво, — тихо сказал он. Я подняла глаза. Он говорил тише, и от этого было ещё неприятнее: насмешке я бы хотя бы поверила. А теперь он рассматривал меня, словно действительно доволен. — Не так, как эти куклы из богатых домов. Они ломаются на части. Ты гнешься.

Он достал из внутреннего кармана платок. Белый — на такой ладони приложить было даже неловко. Я разжала пальцы, ожидая, что он сам перевяжет, но Артур только протянул ткань. — Вытри.

Взяв платок, я прижала его к ладони. Скорее бы оказаться в туалете и промыть порезы, пока не засохла фарфоровая пыль. Там можно и поплакать. Здесь я боялась даже начать — он ведь говорил, что сможет требовать от меня слёз.

— Завтра в шесть утра, — приказал он, не давая мне шанса. Он склонился к моему уху, и его дыхание коснулось моей шеи, вызывая мурашки. — Ты будешь моей музой, потому что ты сломана правильно.

«Сломана правильно».

Я прижала платок к ладони. «Правильно»? Он правда сейчас сказал «правильно»? Я ещё слышала его голос у уха и всё проверяла: может быть, ослышалась. Нет. Почему он выбрал меня, я не понимала, а спросить не решалась.

Платок пришлось сложить вдвое: кровь проступила с обеих сторон. Вот всё, что я могла сейчас решить сама, — каким местом приложить ткань к порезу. Завтра он решит, куда мне встать, что сказать, когда заплакать. Я зажала платок крепче. Под платком можно было хотя бы перестать растопыривать пальцы, изображая, что мне не больно.

Возле колонны я заметила парня в рабочей куртке осветителя. Он смотрел на нас, и от этого я повернулась к нему, прежде чем успела подумать, стоит ли. Он не улыбался и не отворачивался, когда я поймала его взгляд. Я почти шагнула к нему — вдруг скажет хоть что-нибудь нормальное? — и остановилась. После случившегося я уже боялась ошибиться ещё и в этом.

Артур развернулся и пошел прочь, растворяясь в толпе элитных студентов, которые тут же окружили его, смеясь над чем-то, чего я уже не слышала.

Я осталась стоять посреди зала, с кровоточащими руками и бьющимся сердцем. До выхода было несколько шагов, а я всё стояла. Потом посмотрела на часы: завтра к шести. Надо найти, где переночевать, и промыть ладони. С этими руками я ещё должна буду держать текст.

В подсобке я первым делом проверила диван: дерматин лопнул на сиденье, из щели торчал поролон. Если лечь, волосы будут касаться этой дыры. Я сунула под спину пиджак и села, держа договор на коленях. От главного зала меня отделяла ширма из картона и фанеры; за ней кто-то кашлял. Здесь предлагали дожидаться ключа от общежития. Даже столик был такой маленький, что договор пришлось сложить пополам.

— Где ключ от общежития? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. Я сжимала в руках договор, где черным по белому значилось: «предоставление жилого места».

Артур Вельский вошел без стука. Он даже не поднял глаз на мои документы. В его руке была фарфоровая чашка — тончайшая, расписная, из той же коллекции ректора, что и разбитая вчера маска. Невредимая, с золотым ободком. Он поставил её прямо на холодный бетонный пол. Чашка стукнула о бетон. Я вздрогнула: после вчерашнего мне хотелось забрать у него весь фарфор и поставить подальше от края.

— В твоём положении, Лиза, — он присел на корточки, так что его лицо оказалось ниже моего, но взгляд всё равно давил сверху вниз, — даже пол холоднее твоего гордого лица.пей или замерзнешь. Выбор за тобой.

Я смотрела на чай. Пар лениво поднимался вверх. Моё тело помнило утренний холод улицы, когда я ждала его у служебного входа, потому что охранник меня не пустил. Я тянулась к чашке и злилась: мог же поставить на стол, а не заставлять меня наклоняться. Но от тёплого питья отказаться не смогла. Подцепила ручку, стараясь не задеть пол изрезанной ладонью. Фарфор обжигал пальцы теплом. Я сделала глоток. Он положил слишком много сахара. Я сглотнула и ещё несколько секунд чувствовала сладость на языке. Хотелось запить водой, но попросить её у Артура — нет уж. Артур улыбнулся уголком рта и исчез за ширмой. Ключа мне так и не дали. В ответ на вопрос о заселении комендант прислал только «ожидайте». Я поставила чашку на стол и расправила договор: чужое молчание не отменяло строчку о жилье.

Час спустя в примерочной пахло кофе и слышался смех. Я держалась возле края зеркала: туда попадал только боковой свет, и можно было смотреть перед собой, не ловя в отражении чужие лица. Даша Королёва шла мимо меня со стаканом из кофейни рядом с академией. У стола Даша оступилась. Я даже выставила руку, собираясь её поддержать, — и стаканчик уже наклонился ко мне. Кофе хлынул на белую рубашку. Вчера я так старалась разглядить воротник, поворачивала его к телефону, чтобы проверить залом. Теперь пятно расплзлось прямо под ним.

Ткань мгновенно промокла, превратившись в грязную тряпку, липнущую к коже. Кофе затёк за пояс юбки. Я оттянула от живота мокрую ткань, и тут рядом захихикали. Я подняла голову, и смех стих только у тех, кого я успела увидеть. Даша округлила глаза, изображая искреннее раскаяние: — Ой! Прости, Лиза. Ноги совсем не держат. Ты же знаешь, я всегда такая неловкая с новенькими из глубинки.

Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Хотелось ударить её. Просто ударить по этому идеальному лицу. Но Артур был здесь. Он стоял у зеркала. Я посмотрела на него, ждала хоть какого-нибудь замечания Даше, но он разглядывал пятно на моей рубашке. Пришлось разжать кулаки: ладони опять начали саднить.

— Не переодевайся, — приказал он, указывая на мокрую рубашку. — Артур, она вся в пятнах, — начала я. — Стрессоустойчивость, Лиза. Искусство требует честности. Если ты стыдишься грязи, ты не сможешь играть правду. Иди на сцену так. Или убирайся из академии сейчас же.

Девушка у зеркала перестала смеяться. На мгновение мне показалось, она сейчас что-нибудь скажет, но девушка только отступила, освобождая мне дорогу. Остальные тоже смотрели — теперь уже с ожиданием. Сниму рубашку? Уйду? Я шагнула вперед. Мокрая ткань холодила грудь, и кожа просвечивала под ней. Каждый шаг отдавался влажным шлепаньем ботинок по полу. Я видела в зеркалах, куда опускаются их глаза. Прикрыть рубашку пиджаком он мне не предложил, а сама я боялась даже потянуться за ним. На выходе из примерочной кто-то из парней свистнул. Я не обернулась. Я только сильнее прижала руки к бокам, пытаюсь скрыть то, что уже нельзя было скрыть.

На занятии по пластике я всё пыталась выбрать зеркало, в котором мокрая рубашка видна меньше. Таких не было. Преподавательница проходила между нами, оглядывая плечи и спины; возле меня задержалась. — Спина прямая! Плечи назад! Голову выше! Я вытянула ногу и сразу покачнулась. После бессонной ночи даже такое движение приходилось делать осторожно. В зеркале плечо опустилось ниже другого; я попробовала выровнять их, пока преподавательница не сделала замечание. Даша, стоявшая рядом, наклонилась к моему уху и прошептала так, чтобы слышала только я: — Грязь из глубинки не умеет стоять прямо. Тебе место в канаве, а не на сцене.

Я повернулась к двери, собираясь выйти хотя бы на минуту. Артур перехватил меня раньше — взял за запястья. Я почти позволила себе опереться на него, решив, что помогает удержаться. Он скрутил мои руки за спиной, задрал запястья так высоко, что я могла вдохнуть только коротко, ртом.

— Если ты упадёшь сейчас, — его шепот был слышен только мне, хотя вокруг стояла толпа студентов, — я скажу ректору, что ты неспособна к искусству. Твой грант аннулируется. А три миллиона за маску я взыщу с твоей семьи. Встань. Или исчезни навсегда.

Я выпрямилась, чтобы он наконец ослабил хватку. Три миллиона. Я не могла даже представить, как пишется такая сумма в квитанции на моё имя. Артур отпустил руки, и я удержала их вдоль тела, хотя хотелось потереть запястья. Преподавательница велела повторить движение. Значит, здесь всё это считалось нормальным.

Глава 3

До склада реквизита я дошла медленно: после занятия каждый шаг отдавался в икрах. У декораций сидел Никита Соколов. Я увидела его рабочую куртку и остановилась — вспомнила, как он смотрел на меня вчера, когда остальные окружили Артура. Когда я поравнялась с ним, он протянул руку. В ней лежали пластырь и плитка шоколада. — Держи, — тихо сказал он. — Тебе нужно есть.

Я спрятала пластырь в карман и взяла шоколад. Пальцы коснулись его рук. Он придержал шоколад, пока я не взяла его второй рукой: заметил, как плохо сгибаются пальцы. У меня почему-то защипало глаза. Сказать «спасибо» и не расплакаться — вот всё, что я хотела сейчас. Но из тени вышел охранник. Он грубо выхватил шоколад из моих рук. — Контакт запрещен, — пробасил он. — Контракт ассистентки исключает личные симпатии. Уходи, Соколов.

Никита посмотрел на шоколад в руке охранника, потом на меня. Я ждала, что он заберёт его обратно. Скажет: да какое тебе дело? Но он поднялся и ушёл. Я стояла, сжимая пластырь в кармане. Из всей встречи мне оставили только его; я провела ногтем по бумажному краю и спрятала глубже, прежде чем охранник заметил.

В кармане завибрировал телефон. Банк. Просрочка платежа. Стипендия задержана до окончания испытательного срока. Я боялась, что следующим сообщением пригрозят коллекторами. На дорогу и первый взнос за комнату пришлось взять микрозаём, рассчитывая на стипендию. Если они позвонят маме, она умрет от стыда. Я постучала в дверь кабинета Артура. — Мне нужны деньги, — сказала я, входя. Он поднял глаза от пера, и я поставила телефон на край стола экраном к нему. Пусть посмотрит на сумму просрочки. Артур крутил в руках перо. — Аванс? Нет. Но я могу дать тебе работу. Он положил на стол список имен. Двадцать фамилий наших однокурсников. — Узнай их секреты. Слабости. Страхи. Кто изменяет, кто ворует, кто ненавидит кого. Мне нужен материал для нового спектакля. Реального материала. — Это... подлость, — прошептала я. — Это искусство, Лиза. Деньги против информации. Решай.

Я прочла первые фамилии. Эти люди утром видели мою мокрую рубашку; завтра я должна буду подойти к ним и изобразить интерес. Я перевернула лист, будто с другой стороны могло оказаться более приличное задание. Там было пусто. — Хорошо, — выдохнула я и взяла список. Артур отпустил бумагу только после моего ответа. Я забрала телефон со стола и сунула его в карман вместе с листком.

В гримёрке №1, кроме нас с Артуром, никого не было. Он дал мне монолог героини, теряющей всё, и я начала, стараясь сразу попасть в нужную интонацию. Первая пауза получилась. Я выдержала её, подняла глаза к зеркалу и продолжила громче — в родной театральной школе этот переход обычно хвалили. — Стоп, — перебил он. — Слишком чисто. Ты играешь бедность, а не живешь ею. Ещё раз. Я повторила, стараясь перекрыть его замечание. — Скучно. Повторяй, пока не почувствуешь боль. На сороковом разе я ещё считала начала монолога. К шестидесятому перестала: голос уже приходилось выталкивать через сухое горло, а он опять требовал с первой строки. — Плачь, — скомандовал он. — По-настоящему. Я смотрела на него и пыталась вызвать слёзы. Хотелось ругаться, а не плакать. Сказала бы вслух всё, что думаю, — может, хоть тогда он признал бы, что я что-то чувствую. — Не получается? Тогда вспомни, как ты сегодня выглядела мокрой. Как тебя трогали чужие руки. Как ты продала своих друзей ради денег. На слове «продала» я полезла в карман, где лежал список. Так и стояла, сжав его через ткань. Артур мог сейчас повторить весь мой день, начиная с кофе, — он ведь видел, что случилось, и всё равно каждый раз делал хуже. Я попыталась возразить про друзей: мы ведь ещё толком не знакомы. Вместо слова вырвался всхлип. Следом ещё один, и уже нельзя было начать монолог ни с первой строки, ни с середины. Я вытирала нос, облизывала пересохшие губы и всё хуже могла вдохнуть. Артур стоял и ждал — ровно так же, как когда у меня

выходила не та интонация. И вдруг свет погас. Я моргнула несколько раз, пытаюсь различить дверь. — Вот теперь ты похожа на куклу, — услышала я голос Артура в темноте. — Запомни это чувство. Оно будет твоим единственным талантом. Дверь хлопнула. Я всё ещё пыталась произнести начало монолога, но получался только сип. Перестать плакать тоже не выходило. Я вытерла лицо рукавом и посидела так, прижав ткань к глазам, пока не смогла встать без чужой команды.

Ночь была слишком холодной для подсобки. Сил вернуться туда не было. Я юркнула в гримёрку Даши. Дверь была приоткрыта. Здесь было теплее. Я закрыла за собой дверь не до конца, чтобы услышать, если кто-нибудь подойдёт. На диване лежал её телефон. Экран светился. Я не должна была смотреть. Но мне нужно было знать, что они готовят дальше. Я протянула руку к телефону. На разблокированном экране остался открытым чат с Артуром. Я коснулась экрана, не давая ему погаснуть. «Лиза не заметила, как я толкнула её в сторону маски. Всё прошло гладко», — писала Даша. «Отлично. Она слишком хрупкая для этой игры. Но именно поэтому она станет лучшей жертвой. Продолжай давление», — отвечал Артур.

Я перечитала сообщение Даши. Потом ещё раз, от начала до конца: «как я толкнула». Она написала это сама. Значит, я не оступилась. Не оказалась неловкой деревенской дурой, которая в первый день разбила дорогую вещь. Они стояли там и смотрели, как я подбираю осколки, а теперь обсуждали, достаточно ли мне больно. Я прижала ладонь ко рту. Кричать было нельзя — она могла вернуться и забрать телефон, прежде чем я успею сохранить хоть одну строчку.

Я пересняла сообщения своим телефоном, проверила, читаются ли строки, и положила её телефон обратно на диван. Потом села на пол, прижимая свой к груди. Теперь это было доказательство. Свет в гримёрке мигнул и погас окончательно. В слабом свете своего телефона, в отражении большого зеркала напротив, я увидела не своё лицо. Рядом со мной лежала пустая фарфоровая маска. В зеркале виднелись её прорезы для глаз. Я отодвинулась, чтобы больше не видеть её возле своего плеча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.